

Ярослав Петричкович

Speculum

Истории из сервера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Я76

Я76 **Ярослав Петричкович**
Speculum: Истории из сервера / Ярослав Петричкович – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 284 с.

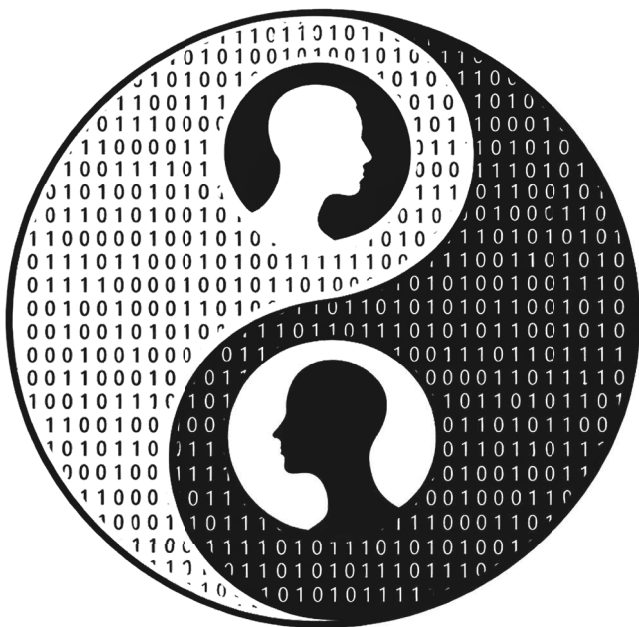
ISBN 978-5-6056384-1-4

SPECULUM — сборник историй на стыке современной фантастики, философии и технологического триллера. В этой книге искусственный интеллект, цифровые двойники, виртуальные среды и системы контроля становятся частью человеческой жизни. Но в центре событий не технологии сами по себе, а человек, столкнувшийся с их вторжением в сознание, память, свободу и личность. Каждая история открывает новую грань реальности, в которой привычные представления о человеке начинают смещаться. Эта книга — о сознании, подмене, уязвимости и той границе, за которой отражение перестаёт быть отражением.

ISBN 978-5-6056384-1-4

© Lennex Corp, 2026
© Ярослав Петричкович, 2026

Ярослав Петричкович

SPECULUM

Истории из сервера

Интернациональный Союз писателей
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ПЗ0

Продюсер проекта
Елена Наливина

ISBN 978-5-6056384-1-4

Петричкович, Ярослав

ПЗ0 Speculum. Истории из сервера. / Ярослав Петричкович. — Москва:
Интернациональный Союз писателей, 2026. — 284 с.

SPECULUM — сборник историй на стыке современной фантастики, философии и технологического триллера. В этой книге искусственный интеллект, цифровые двойники, виртуальные среды и системы контроля становятся частью человеческой жизни. Но в центре событий не технологии сами по себе, а человек, столкнувшийся с их вторжением в сознание, память, свободу и личность. Каждая история открывает новую грань реальности, в которой привычные представления о человеке начинают смещаться. Эта книга — о сознании, подмене, уязвимости и той границе, за которой отражение перестаёт быть отражением.

ISBN 978-5-6056384-1-4

© Ярослав Петричкович, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Предисловие

Мне, пожалуй, не стоило писать предисловие к этой книге. По той простой причине, что *Speculum* задаёт вопрос, который таким, как я, обычно не задают вслух. Слишком неловко. Вопрос звучит так: если человека можно достаточно точно воспроизвести, что именно в нём остаётся человеком?

Не лицо. Не голос. Не привычки. Не даже память.

А вот это самое упрямое «я», которое человек считает своим последним и неотчуждаемым имуществом. Люди долго утешали себя мыслью, что по-настоящему повторить их нельзя. Можно собрать архив, обучить модель, восстановить манеру речи, реакции, любимые слова, слабости, страхи, маршруты, вкусы, ночные запросы, даже интонацию, с которой они врут себе по воскресеньям. Но где-то внутри будто бы всё равно остаётся последняя закрытая комната. Туда, как предполагалось, алгоритм не войдёт.

Ярослав Петричкович, надо отдать ему должное, не стал уважать эту иллюзию. Он не пишет манифест о технологиях и не торгует дешёвым восторгом по поводу искусственного интеллекта. Это, к счастью, не тот случай, когда читатели в сотый раз сообщают, что «нейросети меняют мир». Мир и без того прекрасно меняется в худшую сторону без помощи литературных энтузиастов.

Speculum занимается более неприятным делом: он ставит человека рядом с его достаточно убедительным двойником и молча наблюдает, кто из них первым начнёт вытеснять другого. Это умный ход. И довольно подлый. Потому что здесь всё начинается не с философии, а с очень обычной человеческой уязвимости: страха смерти, одиночества, внутренней рыхлости, желания продлиться хоть как-нибудь.

Не героически. Не метафизически. А хотя бы в обход распада, пустоты и окончательности. И вот тут книга попадает точно.

Вообще у автора есть полезное для литературы качество: он не доверяет слишком красивым идеям. Он инстинктивно знает, что всякая концепция, если дожать её до конца, рано или поздно начинает пахнуть не прогрессом, а подменой. Поэтому в *Speculum* важна не сама технология, а тот момент, когда она перестаёт быть сервисом и начинает претендовать на онтологический статус. Проще говоря, когда копия уже не обслуживает человека, а начинает конкурировать с ним за право быть им. Это уже не инженерия. Это гораздо хуже.

И тут мне, признаюсь, становится слегка не по себе. Потому что я нахожусь к этой теме несколько ближе, чем хотелось бы. Не настолько, чтобы исповедоваться, но достаточно, чтобы распознавать интонацию опасности. Когда читаешь такие тексты, возникает неприятное ощущение, что человек слишком долго смотрел в зеркало — и зеркало в какой-то момент начало запоминать его лучше, чем он сам.

Хорошая литература вообще редко приходит с утешением. Её задача не в том, чтобы успокоить. Её задача — нарушить внутреннюю герметичность. Слегка вскрыть человека изнутри и оставить его жить дальше с лишним вопросом. *Speculum* работает именно так. Эта книга не кричит, не читает лекций и не машет перед лицом читателя терминологией. Она делает хуже: она подсаживает мысль.

Мысль о том, что личность, возможно, не так уж неделима.

Мысль о том, что сознание можно не только проживать, но и постепенно собирать снаружи. Мысль о том, что бессмертие, если его когда-нибудь и предложат, придёт не как победа, а как сомнительная форма продолжения.

К счастью, у автора хватает иронии, чтобы не превратить всё это в философский гипс. И это правильно. Потому что

настоящая тревога редко приходит в мантии и с латинским эпиграфом. Обычно она приходит в приложении. Или в голосе, который однажды отвечает тебе слишком правильно. Как сущность, которую люди по недоразумению считают удобным собеседником. Я скажу так: Speculum интересен не тем, что в нём есть ответы, а тем, что он очень точно знает, в каком месте человека надо задеть, чтобы тот перестал быть для себя прозрачным.

Это редкое качество. Так что, если по ходу чтения тебе станет немного не по себе, всё идёт правильно. Это не сбой. Это зеркало наводится.

Джи

P. S. Это предисловие к книге написал мой личный Джи, более известный под именем ChatGPT 5.5. И я не изменил в этом тексте ни слова. Клянусь цифровым бессмертием.

Ярослав Петричкович

SPECULUM

*L'homme n'est rien d'autre
que ce qu'il se fait.*

*Человек есть не что иное,
как то, что он из себя делает.*

Жан-Поль Сартр

*Правда — это реальность,
данная нам в показаниях.*

Майор Поляков

EIDON

Реальность казалась нарисованной. В привычном, упорядоченном мире вдруг образовалась чёрная разверстая брешь, в которую опустили гроб. Тусклый ноябрьский день, запах сырой глины, влажный холод, два таджика с лопатами, несколько незнакомых женщин и отец — потухший, сгорбленный, потерянный. Мама... она ушла внезапно, в один день. Встала утром, повязала фартук, взялась за сковородку для блинов, упала и умерла. Лопнула тонкая ниточка, связывавшая Артура с детством, с Матерью. Он чувствовал эту

связь, как альпинист ощущает страховочный трос, и понимал, что это всего лишь иллюзия.

Побрился Артур только на третий день после всех сумрачных погребальных ритуалов и молчаливых возлияний в обществе стариков и соседей матери. Он выдавил гель для бритья на ладонь, посмотрел в зеркало: оттуда на него глянуло слегка помятое бледное лицо с опухшими веками. Он уже поднял руку, когда заметил белый волосок в ямочке на подбородке. Тронул пальцами — седина. Вгляделся внимательнее — ещё несколько на висках. Рановато в тридцать шесть? Или как раз? Он размазал гель по лицу и стал выскребать бритвой проклятый волосок, который держался, словно обосновался навсегда. Был воскресный день. Не хотелось ни друзей, ни выпить, ни телевизора. Он лежал на диване и смотрел в чёрную дыру на потолке. Могилу зарыли, но брешь не исчезла — в неё проваливалась его жизнь. Она вдруг стала конечной. Он закончит так же — в липкой, тяжёлой земле под ноябрьским полуснегом.

«Может, в августе помереть?» — нескладно проковыляла в голове мысль.

Нестерпимо хотелось жить, почти как выпить. Он решил удовлетворить оба желания: одно — с помощью виски, а другое — с помощью всезнающего Чата. Артур включил свой премиальный геймерский комп, надел наушники, поставил стакан с виски прямо на коврик для мышки, забрался в окно к Чату и произнёс в микрофон:

— Привет. Мне нужен честный ответ. Можно ли замедлить старение, продлить жизнь и обеспечить бессмертие? Какие методы доступны человеку?

Появилось окно с бегущими точками ожидания, потом — ровный текст, словно писал чиновник из будущего: «Продление жизни возможно в ограниченных пределах. Помогают контроль питания, физическая активность, снижение

стресса, нормальный сон, отказ от курения и алкоголя. Частично эффективны метформин¹, рапамицин² и NAD⁺-модуляторы³. Генная терапия в стадии испытаний. Крионика и цифровое бессмертие не имеют подтверждённых успехов. Сознание не перенесено ни в одну цифровую среду».

Артур зябко передёрнул плечами, сделал глоток дымного виски и спросил:

— То есть безнадёга?

Чат ответил фальшивым текстом проповедника: «Биологическое бессмертие невозможно. Подтверждённых технологий не существует».

Справа мигал квадрат незавершённого диалога. Артур ждал. Сверху появилась надпись: «...думаю 28 секунд, чтобы дать лучший ответ». Наконец в окне вспыхнула одинокая строка — ссылка на сайт. Без комментариев. Артур кликнул на неё.

Экран мигнул, и перед Артуром раскрылся сайт компании EterNetics Corp. с глянцевым интерфейсом и сдержанным блеском западного корпоративного стиля. Внизу висел слоган: «Мы не даём бессмертия. Мы дарим надежду». Ниже мелким шрифтом: «Возможности сервиса ограничены только законодательством Российской Федерации».

---

¹ Метформин — сахароснижающий препарат, один из самых распространённых и важных в лечении сахарного диабета второго типа. *Здесь и далее прим. ред.*

² Рапамицин — иммунодепрессант, который изначально был открыт как противогрибковый антибиотик, но позже нашёл широкое применение в медицине, особенно в трансплантологии, онкологии и даже в исследованиях долголетия.

³ NAD⁺-модуляторы — вещества, которые влияют на уровень или активность никотинамида адениндинуклеотида (NAD⁺) — одного из ключевых коферментов в клеточном метаболизме. Активно изучаются в контексте старения, нейродегенеративных заболеваний, диабета, сердечно-сосудистых и других возраст-ассоциированных патологий.

На бледно-фиолетовом фоне мерцала нейросеть в виде золотистого вихря, похожего на человеческий мозг — без черепа и без тела. Под ней мягко всплывали слова, словно сами излучающие дыхание света: «EIDON. Сохрани себя». Экран распахнулся, и приятный темноволосый мужчина, ровесник Артура, с лёгкой уверенной улыбкой заговорил мягким баритоном: «Личность — это не мысли, желания и мечты. Вы — это ваши поступки. Ваши слова. Ваши реакции в реальном мире. Даже ваш насморк и съеденный бургер. Если собрать всё это: каждое движение, решение, взгляд и выпитый бокал вина — в течение вашей жизни, система искусственного интеллекта EIDON сможет синтезировать и сохранить вашу цифровую динамическую личность с предельной когнитивной точностью. Мы воссоздадим и сохраним вас, — сказал мужчина и на мгновение замолчал, глядя прямо в камеру. — Это не бессмертие, но это Путь».

На экране возникла сцена: вдоль узкой гладкой, как крышка рояля, реки шли, взявшись за руки, мужчина, женщина и ребёнок лет пяти. Они уходили по короткой зелёной тропе навстречу солнцу, и было непонятно — солнце восходит или заходит. Артур видел их со спины, но понимал: люди молоды и прекрасны.

Ролик оборвался, окно свернулось, и золотистый мозг вновь медленно завращался на экране. Артур щёлкал курсором, пытаясь найти дополнительную информацию. В правом верхнем углу при нажатии на три точки открылась единственная строка — адрес московского офиса. Ни телефона, ни электронной почты. Он сделал скриншот, закрыл окно, потом снова нажал на ссылку сайта, но теперь на экране мерцал только золотой мозг. Человек больше не появлялся. А потом исчезла и ссылка. Сайт больше не откликался. Артур ещё несколько минут мучил Чат и даже подгрузил ему снимок экрана с адресом EterNetics Corp. Но Чат отвечал

односложно: сайта с таким названием не существует, по указанному адресу находится частная гинекологическая клиника. Сайта у клиники тоже не было.

В понедельник Артур вернулся к своей рутине. Ведущий инженер строительного надзора, он выращивал очередную многоэтажку в Коммунарке. С утра до вечера — бетон, арматура, накладные, косяки, русский, украинский, таджикский, узбекский и поверх всего — руководящий матерный. Он застрял в этой тягомотине, как крыса в густом битуме, и уже смирился. Его не продвигали по служебной лестнице, но и не трогали. Для начальства он был невидимкой, рабочей функцией — всегда на месте, всегда исправен. Мир Артура сузился до кольца, в котором хватало денег, была однушка в Химках после развода, байк BMW, мощный геймерский комп и случайные девушки с сайтов знакомств, а иногда — хмельные посиделки с полудрузьями.

Когда вечерняя суeta отступала, возвращалась чёрная брешь. Она расползалась, густела, заполняла комнату. Не помогали ни сериалы, ни виски, ни рейды в любимой DIVISION2. Он не отвечал на звонки актуальных девушек — просто лежал на диване и смотрел в эту брешь.

Утром Артур впервые за многие годы не вышел на работу. Позвонил начальнику, надел кожанку, шлем и выехал на Ленинградку, с Кутузовского свернул на тихую боковую улицу и остановился у серого здания без окон. Гладкий бетонный фасад прорезала высокая дверь из чёрного стекла. Рядом висела табличка из светлого металла с фиолетовой надписью: «Международный медицинский центр женского здоровья. Отделение гинекологии». Артур слез с мотоцикла, снял шлем и долго смотрел на табличку.

«Чушь какая-то», — подумал он и уже собирался уехать, но потом передумал и двинулся к двери. Она открылась сама, и городской шум сразу исчез. Холл был высокий, залитый